

антропоморфного признака по всему предложению, то есть имеет место процесс развертывания олицетворения. Грамматической формой этого процесса являются однородные ряды и близкие к ним сложные предложения с одинаковой структурой, деепричастные обороты, усиливающие олицетворяющий признак предиката, обстоятельства или приложения, обладающие антропоморфным признаком. Такие структуры отличаются большой экспрессивной насыщенностью.

Внимание исследователей научно-популярных текстов по лингвистике привлекут также и другие тропы и фигуры речи, хотя они количественно и качественно представлены не так ярко.

Э.М. Левина

Номинации Петербурга в русской поэзии XVIII – начала XX вв.

Проблематика топонимики в некоторой степени отличается от проблематики антропонимики, поскольку тополексемы являются более содержательными, нежели имена живых существ. Видимо, это связано с тем, что наименование местности издавна стремились привязать к какому-либо лицу или событию (1). Не случайно К.Г. Паустовский считал, что географические названия являются народно-поэтическим оформлением страны.

Гораздо богаче по содержанию и ассоциативным связям тополексемы становятся в художественных текстах, поскольку, кроме своей основной, номинативной, функции – служить средством пространственной ориентации, могут выполнять художественно-образную, идейно-эстетическую задачи, раскрывая отношение автора к изображаемому, характеризуя социально-историческую обстановку, отражая определенное мировоззрение.

Темой статьи являются различные типы номинаций Петербурга. Источником исследования послужили поэтические тексты XVIII – начала XX вв. По мнению Н.П. Анциферова, литературные произведения, посвященные этому городу, обладают в немалой степени внутренним единством. "Они образуют как бы цепочку текстов, точнее – целую разветвленную сеть, в которой каждое звено подключено под общее смысловое напряжение" (2). На этом основании, видимо, можно говорить о едином петербургском тексте. Эта мысль получила свое развитие в дальнейшем в литературоведческой и лингвистической литературе (3). Отметим, что поэты всегда стремились найти для обозначения Петербурга оригинальные приемы, образы, сравнения.

Среди монологических образований наблюдаем явное лидирование номинации Петербург, которую следует считать доминантой в ряду других наименований.

А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден...
(А. С. Пушкин Евгений Онегин)

В исследованных текстах наблюдаем также использование номинаций Петрополь, Петроград, Санкт-Петербург. Ощущение Петербурга присутствует в каждой поэтической строке. Художественные тексты насыщены описанием улиц, площадей, дворцов, памятников.

Едва заставу Петрограда
 Певец унылый миновал,
 Как раздалась в душе отрада...
 (К. Рылеев "Давно мне сердце говорило...");

Приемы использования топонимов достаточно разнообразны. Наблюдаем наименования с выраженным ассоциативным фоном, т.е. семантически значимые. Такие именованья становятся мотивированными в поэтических строках, есть случаи обыгрывания смысла:

Откинул ты Москву жестоко
 И, от народа ты вдали,
 Построил город одинокой -
 Вы вместе жить уж не могли!
Ты граду дал свое название,
Лишь о тебе гласит оно...(К. Аксаков).

Нередко авторы используют номинации в фигуре олицетворения, подбирают удачные сравнения, эпитеты.

... Уж Петербург от нас, как пышный сон, бежал
 (Ф. Глинка. Картины ...);
Петрополь встает навстречу
 (М. Державин. Шествие по Волхову...).

А.С. Пушкин использует сочетание, которое вызывает представление о каком-то живом, уютном мире, которым правит Петр:

Что пирует царь великий
 В Питербурге-городке...
 (А.С. Пушкин. Пир Петра Первого).

Достаточно большое количество описательных номинаций подчеркивают неожиданное и чудесное появление города. Чудо в том, что Петербург появился на болоте, гибельном месте, вдруг. В связи с этим возникают такие номинации-описания, как чудо-град (С. Шевырев), чудный град (И. Ключников), дивный град, чудо света (В. Романовский), призрак-город (М. Волошин):

О, Бронзовый Гигант! о чудо света!
 Тебя волшебник созидал...
 (В. Романовский. Петербург с Адмиралтейской башни).

Целый ряд описательных номинаций содержит указание на творца, создателя этого "дивного града" - град Петров (П. Вяземский), город Петра (К. Рылеев), град Великого Петра (В. Романовский), Петра творенье (А.С. Пушкин).

Я вижу град Петров, чудесный, величавный,
 По манию Петра воздвигшийся из блат,
Наследный памятник его могучей славы.
 (П. Вяземский. Петербург).

Образ Петербурга, созданный поэтами, отличается противоречивостью, двойственностью вызываемых чувств, в результате чего наблюдаем, с одной стороны, такие номинации-описания, как пышный город (А.С. Пушкин), сказочный город (П. Якубович), город роскоши и шума (Сперанский), город-великан (С. Городецкий), преславный город (В. Третьяковский), гордый город (А. Григорьев), град державный (П. Ершов), с другой стороны - град развратный (А. Бестужев-Марлинский), город несчастный (П. Якубович), город мглы и тоски, город одинокой (К. Аксаков), город рабов (А. Григорьев). Строки А.С. Пушкина и П. Якубовича отражают двойственность восприятия Петербурга:

Город пышный, город бедный,
 Дух неволи, стройный вид,
 Свод небес зелено-бледный,
 Скука, холод и гранит.
 (А.С. Пушкин. "Город пышный...");

Ах! любовью болезненно-страстной
 Я люблю этот город несчастный.
 (П. Якубович. Сказочный город).

В русской литературе, да и в сознании общества в целом, Петербург воспринимается с момента его возникновения не только как конкретный город, но и как новая столица. Многие поэты именно так называют Петербург, причем используют богатейшую палитру эпитетов - шумная столица (Ф. Сологуб), младшая столица (А.С. Пушкин), нарядная столица (С. Андреевский), блестящая столица (Я. Полонский), Севера столица (Г. Державин), столица новая (Н. Некрасов), военная столица (А.С. Пушкин), Невская столица (В. Курочкин, А. Подолинский).

Столицы Невской посетитель,
 Кто б ни был ты – Петру поклон.
 (А. Подолинский. Подражание...).

Особый интерес представляют номинации-описания, более сложные по структуре. Такие наименования содержат указание на историю этого города - труд медленных веков (П. Вяземский), Петра державное творенье (П. Ершов), Петра Первого окошко с толстой рамою двойной (Сперанский), приюты нищеты печальной (Н. Некрасов), колыбель нашей русской свободы (П. Якубович), кладбище русских людей (П. Якубович); авторы подчеркивают величие Петербурга - твердыня северных морей, венец отчизны православной (П. Ершов), любезная страна, приятный берег (В. Третьяковский), всех градов царица (Г. Державин), Невы державный полубог (П. Ершов).

Ряд номинаций-описаний подчеркивают особую роль Петербурга в развитии культуры и жизни нации в целом: Пушкина город и Достоевского (В. Брюсов), арена деятельной силы, пылливой мысли и труда, мозг всей России (П. Якубович), блаженная колыбель (А. Ахматова).

Державный дух Петра и ум Екатерины
Труд медленных веков свершили в век единый.
 (П. Вяземский. Петербург).

Нередко поэтические строки содержат сопоставления: Москва и Петербург, Петербург и остальная Россия, Петербург и Западная Европа, Петербург и Афины, Петербург и Версаль, Петербург и Пальмира. Такие параллели позволили создать поэтам такие номинации-описания, как Северный Версаль (С. Соловьев), призрачная пальмира (В. Иванов), Северная Пальмира (М. Милонов), русские Афины (Е. Баратынский), новая царица (А.С. Пушкин).

... И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.
(А.С. Пушкин. Медный всадник).

Завершая обзор различных типов номинаций-описаний Петербурга, подчеркнем, что создание таких авторских наименований – процесс творческого, сознательного выбора и поиска, и, что самое важное, именно такие описательные номинации заставляют нас помнить о главном: об удивительной истории этого города, чудесном его появлении, о его особой роли в русской культуре, в жизни нации.

Примечания

1. См. об этом: Соломоник А. Семиотика и лингвистика. - М., 1995. - С. 249-281.
2. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. - Пг, 1922.
3. Долгополов Л. На рубеже веков. - Л., 1985. - С. 150-195; Семиотика города и городской культуры Петербург. / Ред. А.Э. Мальц. - Тарту, 1984.

С.А. Моисеева

Семантическое поле глаголов восприятия и дейксис

Глаголы восприятия обозначают первый – произвольный и непроизвольный – контакт человека с объективным миром, и поэтому являются номинантами первой сигнальной системы человека. Их референтом являются функции пяти органов чувств: зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса. С.Д. Кацнельсон писал, что все *чувственно воспринимаемое* [выделено нами - С.М.] составляет в языке базисные значения: для субстанциональных имен базисными являются лексические значения, отображающие физические тела, для атрибутивных слов - лексические значения, передающие признаки предметов, для предикативных слов - лексические значения чувственно наблюдаемых изменчивых признаков - предикаты действия и состояния (Кацнельсон 1972,175).

Глаголы восприятия относятся к классу переходных глаголов, имеющих, следовательно, левую и правую валентности. Лексические классы слов, которые заполняют левую и правую позиции, predeterminedены "естественным положением вещей", например, одушевленный субъект выступает в роли подлежащего, неодушевленное существи-